

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Н.В. ГОГОЛЬ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПУТИ РОССИИ

Поэма Н.В. Гоголя «Мёртвые души» открывается въездом в губернский город NN рессорной брички. Знакомство с главным героем предваряется разговором «двух русских мужиков» о её способности овладеть русским пространством: «Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» – “Доедет”, – отвечал другой. – “А в Казань-то, я думаю, не доедет?” – “В Казань не доедет”, – отвечал другой. Этим разговор и кончился» (1, 7).

Знатоки поэмы Гоголя задавались вопросом, почему писатель сделал «странное» уточнение – «русские» мужики. В самом деле – какие же иные могли оказаться в губернском городе? В ответ на это Ю.В. Манн справедливо заметил, что уточнение значимо: Гоголь подчёркивает общенациональный масштаб всего, что происходит в поэме (3, 274–278). Но, значит, бричка Чичикова суть нечто большее, чем экипаж какого-то частного лица. Она символизирует в конечном счете тот путь, ту дорогу, по которой устремилась вся Русь.

Знающие толк в русской езде мужики обращают внимание *на колесо*. Они знают, что *кривое колесо «колесит»*, то есть едет не прямо, а по кругу, и что на таком колесе быстро «отколесишь», то есть далеко не уедешь: до Москвы, возможно, и доберёшься, а до Казани – нет. Уже в самом начале поэмы даётся намёк, что «колесо» брички, на которую уселся самодовольный Чичиков, «кривовато», что русским пространством ему, пожалуй, не овладеть.

Как расчётливый делец, Чичиков ещё на губернской вечеринке наметил для себя строгий план путешествия: от Манилова – к Собакевичу. Прощаясь с Маниловым, он попросил описать своему кучеру Селифану предстоящий дорожный маршрут. Селифан, как водится, был под изрядным хмельком, за маршрутом не следил, но зато от души возмущался правым пристяжным конём Чубарым, по лености которого бричка Чичикова постоянно косит и забирает влево, уклоняясь с правого пути. «“Хитри, хитри! вот я тебя перехитрю! – говорил Селифан, приподнявшись и хлыстнув кнутом ленивца. – Ты знай своё дело, панталонник ты немецкий! <...> Ну, ну! что потряхиваешь ушами? Ты, дурак, слушай, коли говорят! я тебя, невежа, не стану дурному учить. Ишь куда ползёт! – Здесь он опять хлыстнул его кнутом, примолвив: – У, варвар! Бонапарт ты проклятый! <...> Ты думаешь, что скроешь своё поведение. Нет, ты живи по правде, когда хочешь, чтобы тебе оказывали почтение» (1, 41–42).

Только ли к Чубарому относится эта речь? «Если бы Чичиков прислушался, – пишет Гоголь, – то узнал бы много подробностей, относившихся лично к нему...» (1, 42).

На ворчание Селифана откликается русская природа: «сильный удар грома заставил Чичикова очнуться», «громовой удар раздался в другой раз громче и ближе». А Селифан, «не вдаваясь в дальние рассуждения», поворотил *направо*, на первую перекрестную дорогу, «и пустился вскачь, мало помышляя о том, куда приведёт взятая дорога» (1, 42–43).

За «глупостью» Селифана, как в русской народной сказке «Поди тут, не знаю куда...», скрывается мудрый смысл. Избранная Чичиковым дорога не отвечает сути русской природы с её особым, связанным с «жизнью по правде» предназначением, с её недоверием ко всякого рода лукавым путям. «“Что, мошенник, по какой дороге ты едешь?” – сказал Чичиков. – “Да что ж, барин, делать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма!”» (1, 43).

Ясно, что дорога, избранная Чичиковым, в русских масштабах и пределах – это дорога в никуда. «“Держи, держи, опрокинешь!” – кричал он ему. – “Нет, барин, как можно, чтоб я опрокинул, – говорил Селифан. – Это нехорошо опрокинуть, я уж сам знаю; уж я никак

не опрокину.” – Затем начал он слегка поворачивать бричку, поворачивал-поворачивал и наконец выворотил её совершенно набок. Чичиков и руками и ногами шлёпнулся в грязь». А Селифан «стал перед бричкою, подпёрся в бока обеими руками, в то время как барин барахтался в грязи, силясь оттуда вылезть, и сказал после некоторого размышления: “Вишь ты, и перекинулась!”» (1, 44).

Поразительно то, что Селифан на Чичикова не обращает внимания, но «поведение» брички его озадачивает. Вот где гоголевский реализм вырастает до символа! «Бричка» – Россия, Селифан – вожатый, а Чичиков? А Чичиков уж не Чубарый ли? Когда в имени Коробочки он раздевается, то отдаёт Фетинье «*всю снятую с себя сбрую, как верхнюю, так и нижнюю*» (1, 48. – Курсив мой. – Ю.Л.). А в конце первого тома, рассуждая, почему добродетельный человек не взят в герои поэмы, Гоголь прямо указывает на правомерность и сознательность этой ассоциации: «Потому что пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку <...> потому что обратили в лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нём, понукая и кнутом и всем чем ни попало <...> Нет, *пора наконец припрячь и подлеца. Итак, припряжём подлеца!*» (1, 234. – Курсив мой. – Ю.Л.).

Путешествием Чичикова «правит» не только он сам и даже не только его Селифан, но ещё и случай, названный Пушкиным «мощным и внезапным орудием Провидения»: «...Как будто сама судьба решилась над ним сжалиться. Издали послышался собачий лай. Обрадованный Чичиков дал приказание погонять лошадей. *Русский возница имеет доброе чутьё* вместо глаз, от этого случается, что он, зажмуря глаза, качает иногда во весь дух и всегда куда-нибудь да приезжает» (1, 44–45. – Курсив мой. – Ю.Л.). Русский путь немислим без того, чтобы «возница» не пускал коней «на волю Божию».

Так русская дорога с самого начала сбивает Чичикова с намеченного им «неправого» пути. Ведь случайная встреча с Коробочкой окажется для него роковой, приведёт к разоблачению. К этому же приведёт его и непредусмотренная «маршрутом» встреча с Ноздрёвым. По пути от Коробочки к Собакевичу русская природа немилосердно путает планы Чичикова: «земля до такой степени загрязнилась, что колёса брички, захватывая её, сделались скоро покрытыми ею, как войлоком» (1, 62). Это замедляет движение брички для того, чтобы «случайно» свести героя с Ноздрёвым и тем самым нанести второй после Коробочки удар по его хитроумному предприятию.

Третий и столь же «случайный» удар совершается в пятой главе, перед встречей Чичикова с Собакевичем, когда бричка его, мчащаяся во всю прыть от авантюриста Ноздрёва, сталкивается с коляской, везущей домой юную институтку – дочь губернатора. Тут опять приходят на помощь «глупые» мужики из соседней деревни. Они долго и бестолково канителются, чтобы расцепить и развести спутавшиеся друг с другом экипажи. Плут Чубарый находит «новое знакомство» и «никак не хочет выходить из колеи, в которую попал», положив «свою морду на шею нового приятеля». Чичиков тоже сидит как околдованный, глаз не может отвести от губернаторской дочки. Между тем дядя Миняй и дядя Митяй творят всякие «глупости», скрывая за случайными и нелогичными действиями мудрость русской жизни в руках «мощного и внезапного орудия Провидения». Их затянувшаяся суета даёт время вспыхнуть в душе Чичикова ни в какие планы не входящему чувству очарованности «прекрасной незнакомкой» (см.: 1, 93–95). Это чувство сыграет роковую роль на бале у губернатора. Это чувство расшевелит в окаменевшей душе подлеца Чичикова горькие сожаления: «О моя юность! о моя свежесть!» (1, 115). Таким образом, «глупая» русская жизнь буквально с первых шагов начинает спутывать «умные» планы и «верные» расчёты Чичикова. Она сбивает его с намеченного пути, вываливает в грязь, подталкивает на неожиданные и опрометчивые поступки.

Во всём, с чем сталкивается Чичиков на пути «предпринимательской» карьеры, чувствуется вопиющий недостаток «здорового смысла», дефицит мещанской умеренности и аккурат-

ности, на которых ведь только и держится успех добропорядочного буржуа. Русская жизнь «вредит» ему своими «перехлестами» и «пересолами», целым потоком непредвиденных «мелочей», сующих палки в колёса его брички.

В «глупой» неупорядоченности русской жизни зоркое око Гоголя подмечает какой-то свой, скрывающийся от самодовольного человеческого разума смысл. В гостинице, в общей зале, куда явился Чичиков, были развешаны во всю стену картины, писанные масляными красками, – картины, как и везде, но на одной из них изображена была «нимфа с такими огромными грудями, каких читатель, верно, никогда не видывал» (1, 9). Точно так же и в шарманке у Ноздрёва «была одна дудка, очень бойкая, никак не хотевшая угомониться, и долго еще потом свистела она одна» (1, 78). Замечательны, конечно, в душах гоголевских героев эти «Божьи дудки», которые свистят в них порой сами по себе и часто сбивают с толку логично и безукоризненно спланированные аферы.

Этот русский «пересол» берёт в плен и самого Чичикова. Вспомним его шкатулку. В отличие от беспорядочной «кучи», которую наш герой встретит в имении Плюшкина, в шкатулке Чичикова царит, казалось бы, идеальный порядок. Как пишет чуткий исследователь Гоголя И. Золотусский, шкатулка Чичикова – «тайник его души» и целая поэма одновременно: «Это поэма о приобретательстве, накопительстве, выжимании пота во имя полумиллиона. Там всё в порядке, всё разложено по полочкам – и чего там только нет! <...> Каждый предмет – к делу, всё спланировано, лишнее отмечено, нужное не позабыто. Куча Плюшкина – это бессмысленное накопительство и уничтожение накопленного, шкатулка Чичикова – уже предвестие деловитости Штольца, да и сам Чичиков говорит, как бы обещая гончаровского героя: “Нужно дело делать”» (2, 236–237).

Замечательно! Но всё ли в этой шкатулке «приведено в симметрию», всё ли в ней «спланировано», всё ли «лишнее отмечено»? С какой стати, например, в ней оказалась сорванная с тумбы театральная афишка? Для чего она нужна деловитому герою? Что за странные манипуляции он с ней проделывает? Вынул из кармана, стал читать, дочитал до конца, *«потом перевернул на другую сторону: узнать, нет ли и там чего-нибудь, но, не нашедши ничего, протёр глаза, свернул опрятно и положил в свой ларчик, куда имел обыкновение складывать всё, что ни попадалось»* (1, 12. – Курсив мой. – Ю.Л.).

Разве эта деталь, эта «мелочь», не разрушает гармонию и стройность только что «пропетой» поэмы о русском приобретателе, разве она не обнаруживает в нём ростки плюшкинской неразборчивости и самоуничтожения? Чичиков у Гоголя русский человек, а потому в его действиях и поступках сохраняется тот же самый «перехлест», в который никак не хочет укладываться буржуазная, предпринимательская душа. То тут то там мельтешит игра «случайностей», свистят «Божьи дудки», обнаруживается «прореха» в самом неподходящем месте, – и всё задуманное Чичиковым рушится.

Гоголь говорит: «Какие искривлённые, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины <...> И сколько раз уже наведённые нисходившим с небес Смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди бела дня попасть вновь в непроходимые захолустья, умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачась вслед за болотными огнями, умели-таки добраться до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: где выход? где дорога?» (1, 220).

Прямой путь, на который выйдет рано или поздно Русь-тройка, очевиден и ясен для Гоголя. Десять столетий тому назад он дан человечеству устами его Спасителя: *«Я есмь путь, истина и жизнь»*. Гоголевская Россия, напустив слепой туман себе в очи, устремилась по ложному пути корысти и торгашества и движется по нему к самому краю пропасти. Чичиков вперёд не движется, а всё время «кружит» и «колесит», возвращаясь в исходное положение.

ние. Чичиковский «винт» постоянно срывается с «резьбы» в русской жизни, отторгающей его. Так что судьба героя являет перед читателем цепь, состоящую из стремительных восхождений и столь же стремительных в своей неожиданности катастроф, оставляющих героя у разбитого корыта. Спицы периодически сыплются из кривого колеса его брочки.

Вот он перебеливает в номере гостиницы списки умерших крестьян, вчитывается зачем-то в заметки Собакевича, представляет в своём воображении каждого мужика поимённо, и «какое-то *странное, непонятное ему самому чувство* овладело им. Каждая из записочек как будто имела какой-то особенный характер, и через то как будто бы самые мужики получали свой собственный характер. <...> Все сии подробности придавали какой-то особенный вид свежести: казалось, как будто мужики ещё вчера были живы. Смотри *долго* на имена их, он *умилился духом* и, вздохнувши, произнес: “Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано! что вы, *сердечные мои*, поделывали на веку своём? как перебивались?”» (1, 141.– Курсив мой. – Ю.Л.).

И в воображении этого «дельца», превратившегося в русского поэта, разгулялась-разлилась на всю Русь целая поэма об умном, дельном и вольном народе. Конечно, эту эпическую поэму о красоте и величии богатырского народного труда вместе с Чичиковым поёт и сам Гоголь. Но неспроста же автор считает возможным связать с именем Чичикова замечательные строки, в которых душа его, освободившаяся от мёртвых пут «земности», от «мелочей», околдовавших стяжателей и существователей, вырвалась на широкий простор.

Есть ведь и во всех «предприятиях» Чичикова некий «перехлест», выход за нормы «добропорядочности» и прозаичности рядового буржуазного стяжательства. Финал поэмы мыслится Гоголем как выход из «ада». И выход этот сопровождается, конечно, не трагический, а исполненный веры и надежды мотив: «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать вёрсты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живём с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит чёрт знает на чём; а привстал, да замахнулся, да затянул песню – кони вихрем, спицы в колёсах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход – и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. » (1, 259–260).

В финале первого тома Гоголь предвосхищает свершившееся Божье чудо. Мчится тройка-мечта, обновленная Россия, «*вся вдохновенная Богом*», вышедшая на праведные, прямые пути. Гоголь верит, что душа русского христианина, пройдя через страшные искушения и соблазны, вернётся на путь православной истины. В глубине падения своего, на самом дне пропасти, ощутит христианин загорающийся в его душе праведный свет, голос совести. Один из героев незаконченного второго тома, обращаясь к Чичикову, говорит:

«Ей-ей, дело не в этом имуществе, из-за которого спорят люди и режут друг друга, точно как можно завести благоустройство в здешней жизни, не помысливши о другой жизни. Поверьте-с, Павел Иванович, что покамест, брося всё то, из-за чего грызут и едят друг друга на земле, не подумают о благоустройстве душевного имущества, – не установится благоустройство и земного имущества. Наступят времена голода и бедности, как во всём народе, так и порознь во всяком... Это-с ясно... Что ни говорите, ведь от души зависит тело... Подумайте не о мертвых душах, а о своей живой душе, да и *с Богом на другую дорогу!*» (1, 524. – Курсив мой. – Ю.Л.).

Неудача же второго тома говорит, скорее всего, о неподъёмности тех задач, которые Гоголь в нём поставил. Ведь ему хотелось, чтобы его книга повернула на новый путь духовного возрождения всю Россию. Для этого ему нужно было «найти всемогущее Слово» – равное

тому, какое «было у Бога и было Бог». Нет сомнения, что Гоголь тут переоценивал писательские силы и человеческие возможности даже своей исключительной одарённости, своей писательской гениальности.

Литература

1. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: в 6 т. – Т. 5. – М., 1959.
2. *Золотусский И.* Гоголь. – М., 1979.
3. *Манн Ю.* Поэтика Гоголя. – М., 1978.

*Доктор филологических наук, профессор
Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова
Юрий Владимирович Лебедев*